

радуги съ огненно-золотымъ, зеленымъ и фіолетовымъ оттѣнками. Около девяти часовъ утра зимняя радуга незамѣтно исчезла; съ ея исчезнованіемъ прекратилось паденіе на землю тонкихъ, изящныхъ, блестящихъ серебромъ, снѣжинокъ, обуславливавшихъ, по всему вѣроятію, и самое образованіе радуги.

Дорога была прекрасная, на первой половинѣ полого поднимавшаяся на невысокую гряду, на второй такъ же полого съ нея спускавшаяся къ небольшому соленому озерку Хара-тологойнынъ-норъ, лежащему на 4.410 футахъ надъ уровнемъ моря¹⁾ у подножья высотъ, слагающихся изъ зелено-сѣраго, мелкозернистаго, глинистаго песчаника. Упомянутое озерко не глубокое съ плоскими берегами; съ южной стороны къ нему примыкаетъ болото, съ сѣверной—отличный прѣсный источникъ, подлѣ котораго располагались двѣ большихъ юрты, приготовленныя для экспедиціи. У юртъ стояло до десятка лошадей и столько же людей, изъ которыхъ одинъ, при моемъ приближеніи къ юртамъ, вышелъ на встрѣчу и вручилъ мнѣ объемистый пакетъ, съ тремя большими консульскими печатями, и еще болѣе объемистый свертокъ газетъ. Радости нашей не было предѣловъ: мы получили письма и газеты, которыхъ не держали въ рукахъ со дня оставленія Алтайской станицы.

Нашъ курьеръ Бадмажаповъ блестяще выполнилъ, возложенное на него порученіе. Теперь прошло нѣсколько дней какъ онъ проживалъ въ Ургѣ, отдыхая отъ тяжелаго пути. Урга и Кяхта уже знали о нашемъ приближеніи къ границѣ. Согласно моей просьбѣ „прислать ко мнѣ кого нибудь“, ургинское консульство командировало на встрѣчу экспедиціи одного изъ слушателей школы переводчиковъ—Колотова, который такимъ образомъ былъ первымъ русскимъ чело-вѣкомъ, голосъ и родную рѣчь котораго мы слышали впервые послѣ двухъ съ половиной годового отчужденія отъ родины.

Съ нетерпѣніемъ я вскрылъ пакетъ и разсортировалъ письма; на время каждый изъ насъ отдался своимъ личнымъ интересамъ. Жадно просматриваешь строки писемъ, жадно впиваешься въ снимки-портреты, а вотъ и мой сынокъ, тотъ маленькій Володя, который остался съ его мамой въ Москвѣ и который въ мое отсутствіе такъ выросъ, а вотъ и послѣдній снимокъ жены . . . какая тихая, радость. Тотъ, кто только самъ переживалъ подобныя минуты, пойметъ меня и проститъ мнѣ мою простоту и дѣтскую наивность.

¹⁾ Другими словами на той же высотѣ, на которой лежитъ и кумирня Кирэюности.